
Лоес Моррен
Последняя весна в доме графа

Лоес Моррен

Последняя весна в доме графа

«Автор»
2026

Моррен Л.

Последняя весна в доме графа / Л. Моррен — «Автор», 2026

После развода муж оставил меня без дома и денег. Сердечный приступ, без прежней жизни. Я очнулась в новом мире, который встретил меня клеткой, кандалами и обещанием сжечь на городской площади. Я успела сбежать, добраться до чужого поместья и найти человека, который отказался выдать меня инквизиции.Граф Теодор Вальден предложил простую сделку: убежище в обмен на заботу о нём и запущенном доме. Что ж, с хозяйством я справлюсь. Верну запах свежего хлеба на кухню, порядок в кладовые, а узнавшие здешние травы руки помогут сварить зелье для спокойного сна.Только сам граф оказался гораздо опаснее моих новых способностей. Стоило привыкнуть к его улыбке, вечерним разговорам и тёплым пальцам поверх моей ладони, и дом, где я собиралась лишь переждать беду, стал единственным местом, которое страшно потерять.За воротами меня ищет инквизиция, а внутри болезнь отнимает у любимого человека силы, и впервые я боюсь не того, что меня заставят уйти. Я боюсь остаться без него.

© Моррен Л., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 12
Глава 3 18
Конец ознакомительного фрагмента. 21

Лоес Моррен
Последняя весна в доме графа

Глава 1

Меня разбудил удар затылком о железо. Перед глазами вспыхнуло белым, и я услышала голос бывшего мужа - тот самый спокойный голос, которым он объяснял судье, что я никогда не имела отношения к его делу. Я хотела повернуться к нему и напомнить про ночные накладные, про кухонный стол, заваленный счетами, про пятнадцать лет, которые почему-то нельзя было приложить к исковому заявлению.

Но вместо стола под ладонью оказалась мокрая солома. Что-то тяжёлое дёрнуло запястье, скрипнуло дерево, и чужой женский голос сказал совсем близко: Не поднимайся, опять ударишься. Я открыла глаза и несколько секунд смотрела на грязную полоску света между двумя толстыми прутьями, пытаясь понять, в каком отделении больницы могли поставить такую кровать.

Надо мной покачивалась решётчатая крыша, затянутая по краям рваной парусиной. За ней было серое небо, а сбоку, совсем рядом, медленно проплывал покрытый кустарником склон. Я сидела на полу деревянной клетки, укреплённой на повозке, и от каждого толчка железное кольцо на моей руке тёрлось о содранную кожу.

Я подняла обе руки, не веря собственным глазам. Их соединяла короткая цепь, на пальцах темнела въевшаяся грязь, а на правой ладони, под большим пальцем, был тонкий белёсый шрам. У меня не было такого шрама, как не было длинных чёрных волос, упавших на лицо, когда я наклонилась рассмотреть браслет.

Я потянула прядь, и кожу на голове больно стянуло. Потом сунула пальцы под тесный ворот, нашаривая цепочку с маленькой подвеской, которую носила со студенчества, но обнаружила только шершавую ткань и незнакомую полноту груди. Лиф грубого платья сжимал её так, что я невольно расправила плечи и тут же испуганно прижала связанные руки к животу.

В зале суда на мне была синяя блузка. Я прекрасно помнила, как разглаживала её на коленях, пока адвокат мужа перечислял имущество, которое принадлежало кому угодно, кроме нас двоих. Потом под левой лопаткой будто затянули горячий узел, пол поплыл, и последним, что я увидела, оказались чьи-то ботинки у ножки скамьи.

Я помнила ещё носилки и просьбу назвать своё имя. Значит, меня успели вынести, значит, всё это могло быть последствием лекарства, странным сном после наркоза. Я даже вцепилась в эту мысль, пока повозка не подскочила и цепь не содрала с запястья присохшую корочку.

— Эй, вы меня слышите? — Я ухватилась за решётку и попыталась встать, но железо на щиколотках натянулось, оставив ногам только короткий шаг. — Мне нужен врач, у меня был сердечный приступ, и я не понимаю, как сюда попала.

Впереди повернулся мужчина в кожаном жилете поверх серого кафтана. На плече у него висел короткий плащ с нашитым красным знаком, похожим на раскрытый глаз, а возле бедра болтались ножны. Он посмотрел на меня с таким весёлым любопытством, будто я только что показала забавный фокус.

— Очнулась, черноволосая? — крикнул он и толкнул локтем сидевшего рядом возницу. — А я говорил, эта раньше города поднимется, уж больно крепко за жизнь держится.

— Откройте, пожалуйста, здесь какая-то ошибка! — Я потрясла прутья, и клетка отозвалась глухим дребезгом. — У меня нет с собой телефона, но вы можете вызвать полицию или скорую, пусть они проверят документы.

— Слышал, как торопится? — Мужчина прищурился, разглядывая мои пальцы на железе. — Не терпится ей на костёр, а мы всё плетёмся.

Возница засмеялся, не оборачиваясь, и чмокнул лошадям. Я ждала, что первый мужчина тоже рассмеётся и скажет наконец что-нибудь понятное, однако он лишь поправил ножны и отвернулся. За его плечом тянулась пустая дорога с глубокой колеёй, и нигде не было ни ограждений, ни проводов, ни хотя бы далёкого шума двигателя.

— Посмотрите на меня, пожалуйста, я серьёзно! — Голос сорвался, и мне пришлось сглотнуть, чтобы продолжить. — Вы не имеете права держать человека в клетке, я подам заявление, я…

Чьи-то пальцы накрыли мои руки и отцепили их от решётки. Рядом стояла на коленях женщина в выцветшем коричневом платье, с опухшим от слёз лицом и разбитой губой. Она смотрела не на меня, а на узкий ремень в руке мужчины, и я наконец заметила, что он снова повернулся к клетке.

— Сядь, родная, не зови беду, — прошептала женщина, заставляя меня опуститься рядом с ней. — Плети им применять не запрещено, только до площади живыми довезти велено. Прикрой руки, пока пальцы не отбили.

Ремень несколько мгновений висел у прутьев, потом мужчина убрал его за пояс. Я уселась на мокрую солому, прижимая колени к груди, и обнаружила напротив ещё одну пленницу — худую, коротко стриженную, с серыми полосами у висков. Она сидела боком, подложив под цепь свёрнутый край юбки, и смотрела на дорогу так внимательно, словно могла взглядом отыскать в ней спасение.

— Какой ещё площади? — спросила я, дождавшись, когда наши сопровождающие заговорили между собой. — Что здесь происходит и куда нас везут, вы можете объяснить нормально?

— В Ровен, — ответила коротко стриженная, не поворачивая головы. — Сначала к городским воротам, потом на площадь перед собором. Там уже знают, сколько столбов ставить.

Я не могла соединить её спокойствие со смыслом сказанного. У её ноги лежала корка хлеба, завёрнутая в лоскут, и эта мелочь пугала: человек, которому осталось немного дороги до смерти, всё равно берёг еду. Я разжала затёкшие пальцы и заговорила тише.

— Меня зовут Нина, и я ничего не понимаю, — сказала я женщине рядом. — Последнее, что помню, это боль. Потом я ударилась головой и очнулась здесь.

— Тебя зовут Мара, — тихо возразила она, отодвинув с моей щеки грязную прядь. — Вейль, кажется, я слышала, как читали список. А меня Лидой зовут.

Чужое имя не вызвало во мне ничего, даже слабого узнавания. Я знала, как зовут мою школьную учительницу, помнила код от подъезда и то, что муж терпеть не мог пенку на молоке, но Мары Вейль среди моих воспоминаний не было. Я потёрла затылок и позволила Лиде самой решить, сколько всего из меня выбил удар.

— Я Агна, если опять забудешь, — сказала вторая женщина и наконец взглянула на меня. — Везёт же тебе, Мара, даже здесь есть что забывать. А я бы отдала последние зубы, чтобы не помнить, как меня брали.

Лида торопливо оглянулась на передок и рассказала, что нас схватили служители инквизиции. Её обвинили в порче колодца, Агну — в том, что в доме, где она работала, умер ребёнок, а мне приписывали какое-то запрещённое лечение. Я слушала, поджав связанные ноги, и всё ждала знакомого слова, которое вернуло бы миру привычный смысл.

— Но это же надо доказать, — сказала я, когда она замолчала. — Нельзя просто взять человека и… у вас ведь должен быть суд, кто-то обязан выслушать.

Агна отвернулась к склону, а Лида втянула разбитую губу. Повозка качнулась, цепь скользнула по доскам, и мне показалось, что обе женщины вдруг очень устали от меня. Потом

Агна подняла глаза и объяснила с мучительным терпением, с каким взрослые говорят с непонятливым ребёнком.

— Выслушали уже, девочка, только написали своё. — Она потянула за ворот платья, освобождая натёртую шею. — Мне признание зачитали утром, а допрашивать привели после вечерней похлёбки, да ещё спросили, чего я опять отпираюсь.

Я снова посмотрела на конвоиров, пытаясь отыскать хотя бы у одного сомнение. У того, что сидел ближе к клетке, были красные от ветра уши и аккуратно заштопанный локоть, совершенно обыкновенный человек, которому кто-то чинил одежду. От этого стало особенно страшно: он не играл чудовище, он ехал по своим делам и собирался вовремя привезти нас на площадь.

— Послушайте, я могу работать, — позвала я, когда дорога пошла вверх и лошади замедлили шаг. — Я разбираюсь в счетах, могу вести хозяйство. Позвольте поговорить с вашим начальником, у меня найдётся чем заплатить за ошибку.

— Сначала врачу её, потом начальнику, теперь ещё и платить собралась, — протянул мужчина, поворачиваясь ко мне. — На костре хозяйство вести будешь. Ты лучше подумай, сколько ударов выдержишь до города, если язык не придержишь.

Он поднял ремень, и я отшатнулась прежде, чем успела приказать себе не показывать страх. Лида потянула меня за платье, усаживая, а Агна пробормотала, чтобы я больше не смотрела на него. Мы притихли, и только тогда сквозь колёсный скрип я расслышала другой звук — частый сухой стук возле дверцы клетки.

На каждом толчке нижнее крепление отходило от дерева и возвращалось обратно. Агна следила за ним, прикрыв глаза, будто дремала, а потом незаметно поддела ногтем щепку у края скобы. Возница в это время спорил с товарищем о дороге и твердил, что через объезд до ворот засветло не добраться.

— Внизу размыло, — сказала Агна почти беззвучно, не глядя на нас. — Если начнёт валиться, головы прикройте. А от дверцы держитесь подальше.

Я не успела спросить, что она задумала. Лошади потянули повозку вниз, правое колесо с хлюпаньем вошло в залитую водой колею, и клетка накренилась так сильно, что я упала на Лиду. С передка донеслась ругань, заскрипели натянутые постромки, а потом под нами с треском провалилось что-то деревянное.

Мир опрокинулся вместе со мной. Я ударилась плечом о прутья, в рот набилась солома, и несколько мгновений не могла вдохнуть, потому что поперёк рёбер лежал чей-то локоть. Рядом билась Лида, за стенкой ржала лошадь, а дверца, ещё минуту назад казавшаяся несокрушимой, дёрнулась и зависла на верхней скобе.

— Не дави, у меня нога! — крикнула Агна, и я наконец поняла, что локоть принадлежал ей. — Скамью подними, черноволосая, только не тяни меня, слышишь, не тяни!

Я вывернулась, цепляясь цепью за доски, и увидела, как перевёрнутая скамья прижала её щиколотку к боковой стенке. Ухватиться толком мешали браслеты, дерево скользило в ладонях, но Лида уже подсовывала под край обломок планки. Мы навалились на него вдвоём, и Агна сдавленно вскрикнула, вытаскивая ногу.

Снаружи кто-то стонал и звал на помощь. Через проём я увидела конвоира: он лежал возле передка, прижимая руку к голове, а возница удерживал лошадей, не давая стащить повозку в овраг. Ремень валялся в грязи рядом с красным плащом.

Агна первой полезла к проёму и едва не упала обратно, когда натянулась цепочка между её ногами. Я почувствовала, как у меня самой железо впилось в щиколотку, и едва не закричала от отчаяния. Вырваться из клетки, чтобы ползти по дороге перед человеком с ножом, было слишком жестокой насмешкой даже для этого дня.

— Ключи, — выдохнула Агна, вытянув шею и глядя куда-то поверх меня. — У передка ремешок оборвался, вон на гвозде висит. Достань, у тебя руки длиннее.

Я увидела узкий кожаный поводок с двумя ключами, зацепившийся за обломанное крепление сиденья. До него было меньше локтя, но пришлось лечь животом на железо, вытянуть обе руки и почти полностью высунуться из клетки. Браслет заскрежетал по пруту, на дороге поднял голову конвоир, и наши взгляды встретились.

— Назад, дрянь, не смей! — Он попытался приподняться, но тут же осел, хватая воздух ртом. — Эй, держи их, клетку держи, уходят!

Пальцы сомкнулись на ремешке, и я отдёрнула руки так резко, что разодрала кожу у большого пальца. Агна выхватила ключи и, бормоча ругательства, принялась тыкать одним в замок на своей ноге. Я ждала щелчка с таким напряжением, что сама перестала дышать, а когда дужка разошлась, едва не заплакала.

Лида вытягивала ноги по очереди, пока я удерживала дверцу, норовившую упасть ей на спину. Потом Агна добралась до моих колодок, и тяжёлые кольца наконец соскользнули со щиколоток. Я сразу подставила ей запястья, но второй ключ оказался погнутым и даже не вошёл в маленькое отверстие.

— Потом, на руках унесём, — сказала Агна и толкнула меня к проёму. — Пока этот лошадей бросит, далеко не уйдём. Шевелись же, чего смотришь!

Мы вывалились на дорогу почти друг на друга. Я ступила на опухшую ногу, согнулась от боли и всё же побежала, потому что возница уже привязывал поводья к стволу придорожной ивы. За спиной загремело железо, Лида схватила меня за локоть, и мы втроём бросились вниз по заросшему склону.

Лес встретил нас мокрыми ветками и скользкой землёй. Я слышала, как Агна тяжело дышала справа, потом впереди открылся овраг, и пришлось остановиться у корней, чтобы не скатиться прямо в мутную воду. Лида хватала воздух открытым ртом, а я держала её за плечо и не знала, кого из нас троих поддерживаю.

— Вместе след оставим, даже слепой увидит, — проговорила Агна, разглядывая противоположный берег. — Я вдоль воды пойду, Лида вверх пусть берёт. А ты, Мара, через кусты, там насыпь сухая.

Я хотела возразить, попросить их не уходить, потому что не знала здесь ни одной дороги. Но сверху донёсся крик, и Агна уже спускалась к воде, придерживаясь за кустарник, а Лида прижала связанные руки ко рту. На прощание она ткнулась лбом в моё плечо, и это короткое, отчаянное прикосновение заставило меня разжать пальцы.

Мы разбежались, ни разу не назвав места, где могли бы встретиться. Я перебралась через сухой выступ, нырнула в заросли и продолжала бежать, пока за спиной ещё слышалось чужое дыхание. Потом оно исчезло, и я с ужасом поняла, что теперь принадлежу себе настолько полно, что даже спросить дорогу было не у кого.

Ветка ударила поперёк лица, и щёку обожгло так резко, что я вскрикнула. Я дёрнулась в сторону, запуталась волосами в колючем кусте и остановилась, прикрывая голову связанными руками. Пришлось вытаскивать пряди по одной, оставляя на шипах чёрные нити, пока где-то далеко снова кричал мужчина.

Я не разбирала слов и не была уверена, что звали именно нас. Всё равно пригнулась и пошла дальше, стараясь не наступать на сухие сучья, хотя под ногами почти ничего не видела. Подол тянуло вниз, в башмаке хлюпало, на языке стоял привкус железа, и каждое мгновение я ждала, что за ворот схватит чужая рука.

Когда лес немного поредел, я спряталась за вывороченным деревом. Между корнями накопилась чёрная вода, пахло землёй и гниющей корой, но здесь хотя бы можно было сесть, не оставляя себя на виду. Я прижала ладонь к груди и долго прислушивалась к сердцу, которое колотилось часто, сильно и совершенно иначе, чем в зале суда.

Мне следовало радоваться тому, что оно вообще билось. Вместо этого я вспомнила квартиру, где ещё лежали мои зимние сапоги, и подумала, что муж велит их выбросить. Я сидела в чужом лесу с железом на руках и думала о сапогах с распродажи.

От этой мысли наконец пришли слёзы. Я плакала тихо, зажимая рот рукавом, чтобы никто не услышал, и злилась на себя за то, что трачу на это силы. Когда первые судороги прошли, оказалось, что погони больше не слышно, а над вывороченным корнем сидела маленькая рыжегрудая птица и смотрела на меня, наклонив голову.

Ручей нашёлся по звуку, похожему на воду из плохо закрытого крана. Я зачерпнула в ладони и уронила почти всё, когда цепь потянула руку вниз. Со второй попытки удалось напиться, умыть щёку и увидеть в воде кусочек чужого лица — светлую кожу, тёмную бровь и незнакомые глаза.

Постепенно заросли сменились молодыми берёзами, за которыми показалось поле. На дальнем его краю стоял большой светлый дом с тёмной крышей, двумя выступающими крыльями и широкими ступенями у главного входа. Вокруг тянулась каменная ограда, а за ней угадывались сад, хозяйственные постройки и длинная крыша, из-под которой донеслось лошадиное ржание.

Я долго смотрела на дом, не решаясь выйти из-за деревьев. Такой дом означал людей, еду, инструменты и возможность выпросить хотя бы немного помощи, но люди могли оказаться гораздо опаснее леса. Усталость решила за меня: ноги дрожали уже так сильно, что я боялась упасть посреди поля и не суметь подняться.

До ограды я добралась, держась вдоль канавы. Камни в одном месте осыпались, и я перелезла через низкий пролом, ободрав колено, а потом замерла, прислушиваясь. Никто не закричал, собака не залаяла, и только от конюшни доносились негромкие удары копыт о доски.

Вблизи поместье выглядело иначе, чем из леса. У дома косо висела ставня, на дорожке между плитами пробивалась трава, а дверь пустого птичника открывалась и закрывалась от ветра. Здесь когда-то было красиво, кто-то подстригал кусты, белил ограду и расставлял под окнами тяжёлые каменные вазы, теперь стоявшие без цветов.

Я обошла двор по краю и проскользнула в сарай, где из-под приоткрытой двери тянуло сухим сеном. Внутри пахло пылью, деревом и прошлым летом, у стены лежали сломанные грабли, рядом высился аккуратно сложенный запас сена. Я протиснулась за него и опустилась на бок, стараясь спрятать цепь под юбкой, хотя самой казалось, что железный звон слышен на весь двор.

Нужно было придумать, что сказать, если меня найдут. Но объяснить кандалы я не могла, и любая история рассыпалась на первом вопросе. Я закрыла глаза, чтобы собраться с мыслями, а открыла уже от скрежета двери.

В лицо ударил жёлтый свет, я резко села, и цепь съехала с подола. Передо мной стоял широкоплечий мужчина с фонарём, в длинной потёртой куртке, пахнувший лошадьми и холодным воздухом. Он опустил взгляд на мои руки, потом снова посмотрел мне в лицо, и от того, как плотно сомкнулись его губы, надежда на лёгкую ложь исчезла.

— Вставай, только медленно, — сказал он, подняв фонарь повыше. — И рук не прячь, я уже всё увидел. Дверь открыта, не рыпайся, заденешь железом косяк.

Я поднялась не сразу: затёкшая нога отказалась держать вес. Мужчина отступил к двери и дождался, пока я выпрямлюсь, не спуская с меня глаз. У него были густые брови, неровно подстриженная борода и белая полоска ожога на шее.

— Я ничего не взяла, — сказала я, показывая пустые ладони. — Мне нужно было только переждать. Я уйду, если вы позволите.

— По темноте далеко уйдёшь, с таким-то звоном, — ответил мужчина и кивнул на цепь. — Откуда бежала, лучше сразу говори. И сколько за тобой людей?

Я могла бы солгать о разбойниках, но после первого взгляда на кандалы он уже сделал вывод. Мужчина подождал, затем указал на дом и сказал, что решать будет хозяин. Он попытался взять меня за локоть, заметил, как я отшатнулась, и убрал руку, велев идти впереди.

Через низкую дверь мы вошли в прохладную кухню. В очаге едва теплились угли, а на столе стояла миска с засохшим по краю супом, от одного вида которого у меня свело живот. Я поспешно отвела глаза, но мой провожатый заметил и, нахмурившись, поставил фонарь ближе к стене.

Из кухни мы попали в холл с широкой лестницей, где на перилах лежала пыль, а зеркало было закрыто полотном. Мужчина подстраивался под мою хромоту, но стоило мне замешкаться, останавливался и молча ждал. Наверху он постучал в дверь, дождался хриплого разрешения войти и пропустил меня вперёд.

В спальне горели две свечи и лампа с матовым стеклом. Под тяжёлым пологом стояла широкая кровать, но лежавший на ней мужчина занимал так мало места, что становилось тревожно. Он приподнялся на подушках, отложил книгу и посмотрел на меня, прежде чем заметил железо на запястьях.

У него были тёмные с проседью волосы и лицо, на котором болезнь обозначила каждую кость. Однако взгляд оставался ясным, а пальцы, закрывшие книгу, двигались уверенно. На столике рядом со стаканом воды стояла тарелка с нетронутой едой.

— В сарае нашёл, ваша светлость, — сказал мужчина за моей спиной. — Из тех, что нынче через перевал везли, надо думать. Кандалы сами видите, незачем ей было в сене прятаться, будь всё чисто.

— Я никому не хотела вредить, — сказала я, глядя на хозяина. — Мне больше некуда было идти, я просто испугалась. Если позволите остаться до утра, я могу отработать еду и…

— Мы не вправе её держать, ваша светлость, — перебил провожатый, не давая мне договорить. — Надо сейчас человека отправить, до утра дозор по дороге пойдёт. Иначе решат, что укрыли нарочно.

— Человека никуда отправлять не надо, Брен, — ответил хозяин, перекладывая книгу на столик. — Принеси воды и что-нибудь поесть. Остальное я выясню сам.

— Простите, граф, но за одного беглого всей усадьбой отвечают, — проговорил Брен. — У нас и без того людей не хватает. А если с обыском придут, я вас от постели заслонить не смогу.

— Я услышал тебя с первого раза, — сказал граф, и в голосе проступило раздражение. — Женщину никто не выдаст. А теперь сделай то, о чём я попросил.

— Инквизиция не станет разбираться, хотите вы того или нет! — Брен шагнул вперёд, почти забыв обо мне. — Вы же сами знаете, как они приходят, и всё равно велите ждать, пока…

— Довольно, Брен! — Граф резко выпрямился, и я поняла, почему слуга всё-таки боялся ослушаться. — В моём доме ещё я решаю, кого оставлять, и ты не станешь…

Договорить он не смог: кашель согнул его, ладонь сжала край одеяла. Я подхватила сползающую подушку и помогла ему податься вперёд, прежде чем подумала, что меня могут остановить. Брен уже стоял с другой стороны, удерживая графа за плечо, и смотрел на него так испуганно, что я перестала сердиться на его упрямство.

Я взяла стакан обеими руками, чтобы цепь не задела край, и подождала, пока приступ стихнет. Граф глотнул немного, прикрыл глаза, вода дрогнула у его губ. Пришлось поставить стакан обратно и промокнуть пролитое краем чистого полотенца.

— Простите, ваша светлость, не должен был перечить, — глухо сказал Брен. — Я принесу всё, что велено. Освина только позову, пусть побудет внизу.

— Прежде чем мы начнём, скажите, как к вам обращаться? — спросил граф, когда за Бреном закрылась дверь, и посмотрел в сторону нетронутой тарелки. — И когда вы в последний раз ели?

Я опустила взгляд, пытаясь вспомнить хотя бы сегодняшний завтрак, которого в моей жизни не было. От простого вопроса горло свело сильнее, чем от угрозы плетью, и я поняла, что сейчас заплачу. Человек, которому самому едва хватало воздуха, ждал ответа и впервые за весь этот день никуда меня не торопил.

Глава 2

— Нина Воронцова, — выговорила я со второй попытки. — А ела я вчера, кажется, хотя теперь уже не уверена. Если вас не затруднит, я бы сначала попила, потому что из ручья толком не получилось.

Граф указал на кувшин, стоявший в глубине столика. Я налила воду, придерживая стакан двумя пальцами, чтобы цепь не ударила по тонкому краю, и выпила почти всё разом. Он наблюдал молча, не задавая новых вопросов, и я понемногу перестала ждать, что дверь распахнётся и Брен вернётся за мной вместе с конвоирами.

— Меня зовут Теодор Вальден, — сказал он, когда я поставила стакан. — Вы находитесь в моём доме, и до утра никто вас отсюда не уведёт. Что касается остального, мне придётся понять, с кем я разговариваю, но подробности могут подождать, пока принесут ужин.

Мне захотелось сказать, что этого человека я и сама больше не знала. Вместо этого я рассказала о повозке, о яме на дороге и о двух женщинах, которых потеряла в лесу. Лиду и Агну я не назвала, а когда дошла до причины ареста, запнулась и призналась, что не помню всего, что было до дороги.

Он выслушал, не пытаясь поймать меня на каждом пробеле. Потом попросил показать затылок, посмотрел издали, как я поворачиваю голову, и спросил, не тошнит ли меня. От такой обыкновенной внимательности я растерялась сильнее, чем от спора со слугой, и поспешно заверила, что просто устала.

Брен принёс хлеб, кружку тёплого питья и небольшую миску с похлёбкой. Увидев, что я всё ещё стою, подвинул ногой табурет, но ни слова не сказал. Я села, пристроила цепь на коленях и стала есть медленно, чтобы не показать, как сильно дрожат руки при виде еды.

— В доме нужна помощница, — заговорил Теодор, когда я добралась до хлеба. — Брен занимается лошадьми и всем, до чего успевает добраться, а Освин кузнец, и у него своя работа. Женской прислуги у нас сейчас нет, поэтому даже обычный завтрак иногда требует военного совета.

— Это вы на вчерашнее намекаете, ваша светлость? — Брен поджал губы, поправляя кувшин на столике. — Я говорил, молоко кислое, но вы сами велели не переводить продукты.

На лице графа мелькнуло что-то похожее на улыбку. Я посмотрела на нетронутую тарелку и подумала, что даже хороший повар не поможет, если больной не хочет есть. Но слова о работе уже зацепились внутри, и я отложила хлеб, боясь пропустить предложение, от которого зависела моя жизнь.

— Я могу готовить и убирать, — сказала я, повернувшись к графу. — С печью только нужно разобраться, а за больными прежде ухаживала, когда мама лежала. Счета тоже умею вести, если это понадобится, но я хочу заранее понимать, что именно вы от меня ждёте.

Он не ответил сразу, и я почувствовала, как наливаются жаром уши. В дорогой спальне, в чужом теле, которое мужчины могли оценивать совсем иначе, молчание показалось опасным. Я заставила себя поднять глаза и спросила прямо, не подразумеваются ли под помощью обязанности, о которых обычно предпочитают договариваться без слов.

— Нет, Нина, подобных обязанностей у вас не будет, — ответил Теодор без улыбки. — Мне нужны еда, порядок и человек, который сможет подать воды, когда самому трудно встать. За работу я плачу, а остальное не относится к нашему соглашению.

Брен отвернулся к двери, словно внезапно заинтересовался петлями. Я кивнула, не зная, куда деть облегчение и стыд за необходимость такого вопроса. В прежней жизни мне часто объясняли, что приличная женщина должна понимать всё сама, и оттого ясный ответ казался почти непривычной вежливостью.

— Тогда я согласна, если вы действительно позволите остаться, — сказала я, сжав край миски. — Достаточно крыши и еды, с остальным потом разберёмся. Я не хочу, чтобы вы считали, будто обязаны мне ещё что-то.

— Я тоже не хочу, чтобы вы так считали, — возразил граф, и в голосе снова появилась сухая насмешка. — О жалованье договоримся завтра, а сегодня вам следует вымыться и лечь. Брен, отведи её к Освину, пусть снимет это железо, и покажи комнату за кухней.

Конюх заметно напрягся, но спорить уже не стал. Он дождался, пока я доем, и забрал миску, а я впервые заметила у него тёмные круги под глазами. Теодор откинулся на подушки, усталый после короткого разговора, и я ушла с неожиданным желанием хотя бы завтра не дать его завтраку остыть нетронутым.

На улице ветер холодил разгорячённое лицо. Брен шёл к низкому строению за конюшней, и я старалась не отставать, придерживая порванный подол. Из открытого окна доносились удары металла, а через несколько шагов показалась широкая красная полоса света под дверью.

Кузнец оказался невысоким, широким в плечах человеком с седой бородой и рукавами, закатанными до локтей. Он погасил край светящейся заготовки в воде и только потом повернулся к нам. На моих руках его взгляд задержался ненадолго, словно он прежде всего оценивал толщину железа и состояние кожи под ним.

— Хозяин велел освободить, — сообщил Брен, не проходя дальше порога. — Только ты сначала посмотри, что за замок, а не начинай пилить при мне до полуночи. Ей ещё комнату показывать, и в конюшне дела не кончились.

— Значит, успеешь за водой сходить, — ответил Освин, отставляя щипцы. — В чистом ведре принеси, не из лошадиной поилки. Сядь пока, женщина, здесь табурет крепкий, не бойся.

От последних слов я едва не рассмеялась, хотя смешного было мало. После дня в клетке можно было испугаться чего угодно, но именно о прочности табурета я ещё не успела подумать. Я села и положила руки на край стола, стараясь не смотреть на инструменты, разложенные рядом.

Освин поднёс лампу, повертел браслет и спросил, давно ли он на мне. Я ответила, что не знаю, и приготовилась к подозрительному взгляду, но кузнец только хмыкнул. Потом просунул под кольцо тонкую гладкую пластинку, отделяя железо от распухшей кожи, и объяснил, где именно будет работать.

— Руку мне не поворачивай, даже если щекотно станет, — сказал он, примеряя инструмент. — Больно сделаю — скажешь, я остановлюсь. А на железо можешь не смотреть, там ничего интересного, все занятные вещи на другой стене.

На другой стене висели подковы, дверные петли и маленький металлический петух с отломанным крылом. Я уставилась на петуха, будто от него зависело, останутся ли у меня пальцы. Освин работал не спеша, расспрашивал о лесной дороге и не задал ни одного вопроса о костре, вине или признании.

Брен вернулся с водой и велел кузнецу поторапливаться. Освин предложил ему самому попробовать снять кольцо с опухшей руки так, чтобы не содрать кожу окончательно. Конюх стиснул зубы, поставил ведро и ушёл проверить лошадь, оставив нас наедине с ровным скрежетом инструмента.

Когда первое кольцо разошлось, я не сразу убрала руку. На запястье осталась бледная полоса, окружённая красными ссадинами, и мне казалось, что металл всё ещё лежит поверх кожи. Я осторожно разогнула пальцы, подняла ладонь к лицу и только тогда почувствовала, насколько легче стало двигаться.

Второй браслет поддался быстрее. Освин положил обе половинки на стол, и в тишине кузни этот короткий стук прозвучал окончанием чего-то страшного. Я потёрла запястья, попросила тряпку и поняла, что сейчас могу развести руки, обнять себя за плечи или убрать волосы, не думая о длине цепи.

— Благодарю вас, — сказала я, глядя на обломки. — Не знаю, чем смогу отплатить, но я запомню. Только не отдавайте их никому пока, если можно.

Кузнец собирался смахнуть железо в ящик, но остановился и поднёс один обломок к свету. На внешней стороне под слоем грязи проступили цифры и два маленьких клейма. Он провёл по ним большим пальцем, потом завернул обломки в кусок мешковины, не спрашивая, зачем мне хранить такую память.

— Номер этапа, пригодится, если кто спросит, — сказал Освин и убрал свёрток под стол. — У меня полежат, в доме этой дряни делать нечего. Руки вымой, только кожу не три, грязь и без того отойдёт.

Я наклонилась над ведром и увидела в воде своё лицо. Тёмные брови, полные губы, широкая царапина на щеке и глаза, казавшиеся слишком светлыми рядом с мокрыми чёрными прядями, складывались в незнакомую женщину. Она могла быть красивой, даже очень, но оттого, как точно повторяла каждое моё движение, по спине бежал холод.

Освин спросил, не кружится ли у меня голова, и отражение распалось под каплей с подбородка. Я выпрямилась, прижимая к щеке чистую тряпку, а кузнец подвинул поближе лампу. Его спокойное ожидание помогло больше расспросов: я ещё раз поблагодарила и вышла навстречу Брену, впервые за этот день не придерживая тяжёлую цепь.

Брен посмотрел на мои освобождённые руки так, будто кузнец выпустил на волю особенно неприятного зверя. Однако обратно в сарай он меня не повёл, а вернулся к кухонной двери и снял с крючка небольшую лампу. По дороге назвал Освина упрямым болваном, на что я благоразумно не ответила.

Комната оказалась за узкой дверью возле очага. У одной стены стояла кровать, у другой — сундук с потемневшими полосами железа, под маленьким окном помещалась полка. В углу ещё лежали пустые мешки, и пахло здесь сушёным луком, старым деревом и давно не проветривавшейся постелью.

— Раньше здесь припасы держали, потом младшая служанка спала, — сказал Брен, поставив лампу на полку. — Другого места сегодня не готовили. Если для тебя тесно, наверху комнат хватает, только пыль с постели сама сгонишь.

Я посмотрела на дверь и осторожно подвинула засов. Деревянный брусок вошёл в паз с негромким стуком, и мне захотелось повторить это движение ещё раз. После клетки и леса такая дверь казалась роскошью, а узкая кровать не становилась хуже от того, что рядом когда-то хранили лук.

— Здесь хорошо, — ответила я, отпуская засов, чтобы не показать, как много он значит. — Мне бы только таз и немного воды, я постель испачкаю. Ещё иголку с ниткой, если найдётся, платье у колена совсем разошлось.

Брен посмотрел на подол и вздохнул так тяжело, словно я уже потребовала перестроить весь дом. Он показал бочку у кухни, место для грязной воды и поленницу за дверью, после чего ушёл, буркнув, чтобы я не трогала лампу мокрыми руками. Я ожидала, что на этом его помощь закончится, но он вернулся с тазом, кувшином и свёртком ткани.

— От прежней экономки осталось, — пояснил он, бросая свёрток на сундук. — Не новое, зато целое, а это с тебя завтра хоть на тряпки пускай. Горячей воды немного принесу, у Освина котелок возле горна стоял.

Внутри оказалось простое серое платье, бельё и пара чулок, грубоватых, но чистых. На вопрос о полотенце Брен указал на ткань, в которую всё было завёрнуто, и, выходя, задел плечом дверной косяк. Я сказала ему спасибо, получила в ответ невнятное ворчание и наконец осталась одна.

Раздеваться было странно и неловко. С непривычными завязками пальцы справлялись раньше, чем я успевала понять их устройство, зато собственные движения то и дело казались

чужими. Я старалась не задерживать взгляд на груди и бёдрах, смывала с кожи грязь и с удивлением замечала, сколько ссадин успела набрать за несколько часов свободы.

На ладонях под грязью обнаружились плотные мозоли, совершенно не похожие на след от ручки возле моего среднего пальца. Белый шрам под большим пальцем остался на месте, а при попытке провести по нему возникло короткое чувство, будто я должна отодвинуть от края тяжёлую ступку. Я замерла с тряпкой в руке, но ни ступка, ни объяснение в памяти не появились.

Горячая вода понемногу остывала. Я закончила мыться, промыла запястья и надела принесённое платье, которое село свободнее на талии, но всё равно тянуло в груди. От мысли, что придётся объяснять суровому конюху необходимость переделать лиф, я впервые за день тихо рассмеялась.

Потом погасила лампу, проверила засов и легла. Матрас оказался жёстким, из набивки кололась сухая соломинка, а одеяло пахло сундуком, но я лежала под ним, не в силах поверить, что могу вытянуть ноги. Из кухни донёсся стук посуды, следом скрипнула дверь, и дом постепенно затих.

Спать не получалось, хотя от усталости дрожали мышцы. Я пыталась вспомнить все известные объяснения происходящего, от комы до чужого дурного розыгрыша, однако стёртые запястья не давали успокоиться ни на одном. В конце концов я решила хотя бы до утра не выяснять, существую ли я, а просто существовать там, где мне позволили закрыть дверь.

Кашель наверху начался, когда я уже проваливалась в сон. Он шёл глухо, с паузами, и в эти паузы я невольно задерживала дыхание, ожидая следующего звука. Потом над потолком заскрипели половицы, послышались тяжёлые шаги Брена, и я поняла, куда он уходил вместо отдыха.

Я села, нащупала платье на коленях и долго смотрела на тёмную дверь. Наверху всё стихло раньше, чем я решилась выйти, а в коридоре Брен негромко выругался и снова спустился на кухню. Я легла обратно и подумала, что утром начну с завтрака, потому что это было единственное, что я уже обещала и действительно умела.

Утро пришло вместе со скрипом ведра за дверью. Я вскочила, испугавшись, что проспала полдня, и несколько секунд не могла вспомнить, где находятся выключатель и тапочки. Потом увидела серую ткань на сундуке, потёртые запястья и узкое окно, за которым только начинало светлеть.

Брен уже был на кухне, разводил огонь и выглядел так, словно к бессонной ночи давно привык. На столе лежали хлеб, небольшой горшок крупы и несколько яиц в корзинке. Я спросила, когда граф обычно завтракает, и получила ответ, что обычно тогда, когда соглашается хотя бы посмотреть на поднос.

С очагом пришлось разбираться почти с нуля. Брен показал, как двигать заслонку, какие дрова брать и куда ставить котелок, чтобы кипение не перебегало через край, а потом попытался заняться всем сам. Я остановила его, напомнив, что меня оставили именно для этого, и он отступил с таким лицом, будто уступал мне право взорвать кухню.

— Молока сегодня нет, — предупредил он, собираясь выйти. — Козу до вечера у соседей держат, у них с травой лучше. Хозяину предложи яйца, только не крутые, от тех он отказывается.

Когда дверь закрылась, я поставила воду и взялась за крупу. Она напоминала мелкую пшеничную, но разваривалась иначе, а тяжёлый котелок продолжал отдавать жар даже после того, как я отодвинула его от огня. Я успела спасти большую часть каши, однако снизу уже прихватило, и по кухне пошёл предательский запах.

Брен вернулся как раз тогда, когда я перекладывала съедобное в чистую посуду. Он поднял брови, втянул носом воздух и остановился на пороге. Я посмотрела на его лицо, на почер-

невший край своего рукава и поняла, что репутация опытной хозяйки закончилась, не успев начаться.

— Если собираешься сказать, что вчера здесь кормили лучше, можешь не трудиться, — предупредила я, отставляя испорченную часть. — Крупа у вас какая-то задумчивая, сначала делает вид, что сырая, а потом сразу горит. Я уже поняла, как с ней обращаться, повторения не будет.

— Вчера хоть дыма не было, — ответил Брен, проходя к бочке. — Но яйца, гляжу, уцелели, это уже кое-что. Поднос в шкафу возле двери, ложку только серебряную возьми, железную хозяин терпеть не может.

Я уложила кашу, яйцо и хлеб на поднос и прикрыла тканью. Попросила показать дорогу ещё раз и поднялась наверх, удивляясь тяжести завтрака. Перед дверью выровняла дыхание, напоминая себе, что пришла кормить больного, а не сдавать экзамен на право остаться в живых.

Теодор сидел у изголовья с раскрытой книгой, но глаза были закрыты. Когда я постучала, он открыл их сразу, словно вовсе не спал, и посмотрел прежде на мои руки, потом на поднос. Я поставила завтрак на столик и поспешно сообщила, что с кашей всё в порядке, хотя сказано это было слишком быстро, чтобы звучать убедительно.

— Теперь я обязан спросить, что могло быть с ней не в порядке, — заметил он, откидывая край ткани. — Иначе до обеда буду представлять всякое. Доброе утро, Нина, вам удалось хоть немного поспать?

Оттого, что он запомнил моё имя, стало неожиданно тепло. Я ответила, что спала хорошо, хотя слышала ночной кашель, и тут же пожалела, что упомянула его без всякого перехода. Теодор повертел ложку, попробовал кашу и вместо ответа спросил, не собираюсь ли я стоять над ним, пока он не покажет пустую тарелку.

— Хотелось бы убедиться, что вы поели, — призналась я, поправляя ткань на подносе. — Хотя бы несколько ложек, иначе совсем без сил останетесь. Можете считать это частью моего испытательного срока, только оценку потом не снижайте за настойчивость.

— Количество ложек оставьте мне, — ответил он, но снова зачерпнул кашу. — За настойчивость у меня уже Брен отвечает. Если вы объединитесь, мне придётся прятать от вас собственный завтрак.

Я улыбнулась и присела на вчерашний табурет, когда он указал на него. Мы поговорили о комнате, об очаге и о том, где я научилась так тревожно смотреть на тарелки, а потом Теодор сам сказал, что болен давно. Он не назвал болезнь, только объяснил, что ночью бывает хуже и пугаться каждого приступа не стоит.

Я хотела спросить о лечении, но пока не решилась. Уточнила, что ему легче есть, стараясь скрыть радость при виде почти пустой миски. Забирая поднос, услышала просьбу в следующий раз резать хлеб толще, потому что прозрачные ломтики заставляли графа подозревать экономию.

Я поставила поднос и посмотрела на остатки продуктов. Утренней корзинки едва хватило бы на двоих, а кормить нужно было ещё Брена и кузнеца. В шкафах нашлись только соль и уксус, и я вышла искать человека, который знал, чем здесь обедают.

Брен чистил у конюшни рыжую кобылу. Я дождалась, пока он отойдёт от задних ног, и спросила, когда покупают продукты. Он отложил скребницу и поинтересовался, неужели я решила, что всё хозяйство питается из одной яичной корзинки.

— На кухне больше ничего нет, — ответила я, чувствуя, как начинаю злиться. — Я хочу сварить обед, а не гадать, где вы прячете картошку. Если припасы есть, скажите где, и я перестану отнимать у вас время.

— Погреб и склад сами по себе к кухне не переедут, — проворчал Брен, но кобылу отвёл под навес. — Спросить можно было раньше, я бы показал. Про картошку я не слыхал, у нас белый корень.

Мне оставалось только проглотить ответ и пойти следом. За домом, почти под прямым углом к кухонному крылу, тянулась низкая постройка, которую вечером я приняла за ещё один сарай. Брен открыл замок, толкнул дверь плечом и впустил меня в прохладный полумрак, пахнувший яблоками, пылью и сушёной зеленью.

Запасов оказалось больше, чем я ожидала: мешки крупы, горшки, банки и ящики со светлыми корнеплодами. Под окном темнела мокрая полоса, и несколько сморщенных плодов уже испортились рядом с хорошими. Я хотела спросить, почему никто не перебрал ящик, но Брен тёр переносицу и едва держался на ногах после ночи, так что с замечанием я повременила.

Конюх показал, где лежит солонина, какой горшок не следует открывать до конца недели и где стоят сушёные бобы. Я слушала, запоминая устройство полок, и вдруг перестала слышать его слова. Над мешками висели пучки трав, перевязанные разными нитками, и один из них притягивал взгляд так, будто я оставила его здесь собственными руками.

Я подошла и коснулась узких серебристых листьев. Под пальцами они рассыпались с тихим хрустом, воздух наполнился прохладным травяным запахом, а во рту словно заранее появилась терпкая горечь. Я знала, что это лунолист, что его собирают до полного цветения и что свежий пучок нельзя оставлять связкой, иначе внутри он потемнеет.

Знание возникло сразу, без сомнения, и оттого стало страшно. Я перевела взгляд на соседний пучок с красноватыми стеблями и поняла, что горечник не стоит брать ослабленному человеку, даже если тот измучен кашлем. Ещё дальше висела серебряная мята, которой можно было исправить неприятный вкус настоя, но не его ошибочно выбранное действие.

— Ты чего замерла? — спросил Брен, и я вздрогнула, едва не оборвав нитку. — Это травы старой экономки, она хозяину заваривала, пока здесь служила. Только ты без спросу не вари ничего, и так от горького всего нос воротит.

Я заставила себя отпустить пучок. На ладони осталась крошка листа, и я растёрла её тем движением, с каким раньше проверяла между пальцами качество муки, только это движение знала совсем другая женщина. Вслед за запахом пришло ощущение тяжёлой ступки, глухого удара пестика и того, как ладонь прикрывает горлышко кувшина, чтобы внутрь не попала пыль.

— У неё были записи? — спросила я, стараясь говорить ровно и не хвататься за следующие травы. — Хозяйственная книга, травник, хоть что-нибудь, где написано, что это. Я хочу разобраться с припасами и ничего не перепутать, если понадобятся для кухни.

Брен сказал, что тетради лежат в нижнем кухонном шкафу за большой жаровней. Три небольших подписанных пучка позволил взять, повторив, чтобы я ничего не заваривала без спросу. Я уложила травы поверх корнеплодов и бобов, всё ещё чувствуя на пальцах запах лунолиста, а конюх показал, где хранится ключ, и велел закрывать дверь от мышей.

Вернувшись, я подвесила пучки у окна и нашла за жаровней свёрток тетрадей и тонкую книгу в потёртой кожаной обложке. Буквы на первой странице были незнакомы, однако стоило провести взглядом по строке, как смысл сложился сам собой, и я поспешно закрыла книгу. Потом снова открыла, медленно прочла название растения под рисунком и почувствовала, как холодеют пальцы: лунолист, именно так, как я уже знала.

На плите начинала шуметь вода для обеда. Я убрала книгу подальше от огня, вымыла руки и принялась чистить белый корень, потому что это простое дело помогало не поддаться страху. Но когда рядом со мной качнулась тень от подвешенной травинки, пальцы сами сложились в щепоть, точно отмеряя то, чего я ещё ни разу в жизни не варила.

Глава 3

Белый корень пришлось дочистить прежде, чем я снова открыла книгу. Пока бобы размокали, я устроилась у окна с травником и тремя пучками. Боялась, что чужие знания исчезнут так же внезапно, как появились, но руки уверенно потянулись к серебристым листьям.

Они не исчезли. Стоило рассмотреть рисунок, как я уже знала, какой стороной лист поворачивают к свету, чтобы отличить лунолист от похожей болотной травы. Но объяснить, откуда взялась эта уверенность, не могла, и потому сначала читала подпись, потом нюхала растение, а после возвращалась к описанию, словно проверяла незнакомую поставку по накладной.

В тетрадях прежней экономки нашлись записи о варенье, пятнах на скатертях и травах, которые помогали уснуть. На полях рядом с лунолистом кто-то написал, что граф не выносит густых настоев, а серебряную мяту узнаёт, даже если её тщательно прячут за мёдом. Невольная улыбка прошла, когда я увидела старое пятно от кружки: женщина, оставившая эти слова, тоже сидела здесь и думала, чем облегчить ему ночь.

За новыми травами я вернулась после обеда, когда посуда была вымыта, а Брен ушёл к лошадям. На складе сняла с крючка несколько подписанных связок и обнаружила, что внутри одного пучка листья потемнели и пахли сыростью. Руки сами потянулись отделить хорошее, но стоило разломить стебель, как я с неприятной ясностью поняла, что оставлять нельзя весь пучок.

Выбросить его оказалось удивительно трудно. В мешочке рядом лежала бумажка с ценой, и я всё ещё помнила свои слова о том, что здесь не хватает продуктов. Однако от запаха мокрой прелой травы уверенность становилась только сильнее, и я отложила испорченное отдельно, решив показать Брену прежде, чем вынести из дома.

На столе появились две миски, сито и кувшин без трещин. Я перемыла их горячей водой и перебрала листья, сверяясь с книгой, пока не поймала себя на том, что отбрасываю жёсткие части стеблей, не глядя. Пришлось прижать ладони к столу, чтобы они перестали принимать решения раньше меня.

Вверх я понесла не кувшин, а травник. Постучала, дождалась ответа и застала Теодора в том же положении, в каком оставила после обеда, только книга у него была уже другая. На мой осторожный вопрос о вечернем питье он посмотрел сначала на кожаную обложку, потом на мои руки и заметно насторожился.

— Вы были лекаркой? — спросил он, откладывая чтение. — Брен говорил, что вы интересовались запасами экономки. Надеюсь, вы не собираетесь возвращать мне её знаменитое средство, после которого даже язык хотелось вымыть.

— Кое-что я помню, — ответила я, усаживаясь на край табурета, хотя меня ещё не пригласили. — Но пока сверяюсь с книгой и не хочу делать вид, будто знаю больше, чем есть на самом деле. Я думала попробовать мягкое вечернее средство, если вы согласны, чтобы вам было легче уснуть.

Он потёр край страницы, и я приготовилась объяснять, почему женщину с полезными знаниями везли в клетке. Но Теодор рассказал о лекаре, обещавшем избавить его от болезни за шесть недель. Отсутствие результата тот объяснил неправильным расположением окон.

— Окна остались на месте, как видите, — закончил он и посмотрел в сторону тяжёлых занавесей. — Лекарь уехал, деньги тоже, а я с тех пор осторожно отношусь к новым обещаниям. Особенно если они пахнут отваром кореньев.

— Избавить от болезни я вам не обещаю, — сказала я, удержав желание заверить его хоть в чём-нибудь. — Сначала нужно хотя бы понять, что вам уже давали и как вы это переносили. Я хочу помочь со сном, а если вы не желаете пробовать, никто не станет подмешивать травы в компот.

В его взгляде мелькнуло удивление, и я вдруг поняла, что к отказам он привык гораздо меньше, чем к уговорам. Теодор указал на маленькую полку у двери, где стояли флаконы и сложенный лист с указаниями лекаря. Я просмотрела знакомо-незнакомые названия, сверила их с травником и попросила позволения записать, что он принимал сегодня.

Выяснилось, что за последние сутки он выпил только обычный ягодный взвар. Старые средства по совету лекаря пока не принимал, и смешивать новый настой с ними не требовалось. Мы договорились, что я принесу приготовленное вечером, всё объясню и останусь неподалёку, а при малейшем неудобстве он скажет об этом сразу.

— И ещё одно, Нина, — произнёс он, когда я уже поднялась. — Если мне не понравится вкус, я имею право пожаловаться. Только не смотрите после этого так, будто я оскорбил весь ваш огород.

К вечеру кухня наполнилась непривычным запахом, прохладным и чуть сладковатым. Я дважды перечитала выбранную запись, проверила отложенные травы и только потом взялась за работу, не позволяя рукам торопиться. Получившееся питьё оказалось светлым, почти прозрачным, а на губах после крошечной пробной капли осталась терпкость, которую я почему-то ожидала заранее.

Брен вошёл, когда я закрывала кувшин чистой тканью. Он увидел рядом травник, остановился и начал говорить, что предупреждал меня ещё на складе. Пришлось объяснить, с кем именно я уже договорилась, и предложить ему подняться вместе со мной, если он хочет услышать подтверждение собственными ушами.

— Хозяин и на медовую смолу соглашался, — проворчал конюх, не сводя глаз с кувшина. — Потом две ночи сидя спал, потому что лечь не мог. Мне не надо, чтобы ты лучше всех знала, мне надо, чтобы ему хуже не стало.

Я собиралась возразить, но последние слова остановили. Брен смотрел на питьё так же, как я смотрела утром на незнакомые строки, только за его страхом стояли месяцы у чужой постели. Я показала запись, рассказала о разговоре с графом и попросила позвать меня ночью, если что-нибудь изменится, даже если он решит, что я сплю слишком крепко.

Теодор встретил наш маленький поход вопросом, не собираемся ли мы отнимать у него кувшин по очереди. Брен буркнул, что лучше заранее убедиться, и остался у двери, пока граф пробовал питьё. Я следила за его лицом, готовая убрать чашку после первого движения бровей, но он только задумчиво посмотрел внутрь.

— На обман похоже, — сообщил он наконец, и у меня похолодели пальцы. — Мне впервые принесли что-то от бессонницы, что не хочется немедленно выплюнуть. Теперь придётся поверить хотя бы в ваше милосердие.

Брен ушёл, забрав пустой кувшин для обычной воды. Я осталась на табурете и предложила почитать, но Теодор закрыл книгу ладонью. Сказал, что сегодня уже достаточно слушал мёртвых мудрецов и предпочёл бы узнать что-нибудь о живых людях, особенно если те не собираются обсуждать его здоровье.

Мне вспомнилась соседка с четвёртого этажа, семь лет переделывавшая квартиру. Я все эти годы считала часы до вечера, когда замолкал перфоратор. Рассказывая, заменила технику на долото, квартиру на дом и старательно обходила всё, что требовало объяснения электричества.

— То есть она решила перенести кухню к спальне, чтобы подавать мужу завтрак быстрее? — уточнил Теодор, и в уголках его глаз собрались тонкие морщинки. — Предусмотрительная женщина, я начинаю ей сочувствовать. Надеюсь, муж хотя бы просыпался вовремя.

— Муж к тому времени уже три года жил у другой, — ответила я и только потом поняла, что сказала это слишком весело. — Но кухню всё равно перенесли, потому что соседи не должны решать, как ей жить. Последнее я слышала каждую субботу, когда просила начинать стучать хотя бы после завтрака.

Теодор рассмеялся, негромко и с оглядкой на дыхание, а я подождала, не появится ли кашель. Потом он попросил продолжить и спросил, откуда соседи могли слышать каждую переделку в отдельном доме. Я запнулась, объяснила, что стены стояли близко, и в его взгляде заметила внимательность, от которой стало неуютно, но новых вопросов не последовало.

Я рассказывала ещё некоторое время, пока ответы не сделались короче. Голова графа опустилась глубже в подушку, пальцы разжались на краю книги, и я понизила голос, сама не заметив когда. В комнату постепенно вошла та тишина, в которой слышно, как остывает металл в каминной решётке и ветер трогает плохо закреплённую ставню.

У двери я обернулась. Во сне Теодор казался моложе: исчезло напряжение возле рта, которое я успела запомнить. Захотелось поправить складку у его плеча, но я только придвинула лампу дальше от края.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.